

РАЗМЫШЛЕНИЯ

ЗАМЕТКИ
О РЫБИНСКОМ
ДРАМАТИЧЕСКОМ
ТЕАТРЕ

В ОТ

и опустел театралный полдень. Ровно в семь медленно гаснет свет в зрительном зале, распадается залавес. Сейчас проноидет встреча с героями. Какой будет она? Заволнует ли по-настоящему или оставит равнодушным? Разбудит мысль, жарко обожжет сердце, заставит переживать или наложит печать спокойной безучастности? Заполнит или промелькнет бесследно?

В ТОТ ВЕЧЕР в Рыбинском драматическом театре играли пьесу Алексея Арбузова «Мой бедный Марат». Эта пьеса только начинала свою сценическую жизнь на театре: рыбинцы одним из первых приняли ее к постановке.

Но отвлечемся пока от сцены. Не станем следить за развитием событий, за несколько необычными судьбами Лики, Марата и Леонида, которых случай однажды свел вместе. Забьем несколько вперед. В зрительном зале, о молчании, на некоторое время воцарившемся в зале после того, когда артистами были пронесены последние реплики, об искренних дружеских аплодисментах, ворвавшихся вдруг в тишину. Об удививших исполнителей. Сообщим о примечательном эпизоде, в котором самое непосредственное отношение к тому, что происходит на сцене.

Флория Маринкевич — он только что был Маратом Евстигнеевым — воцарился из театра домой. Вот он поднимается к себе на лестничную площадку, хочет открыть квартиру и останавливается в радостном удивлении. На двери медом крупно написано: «Враги! Враги, Марат!»

Вот так, своеобразно, один из зрителей выразил свое отношение к увиденному в театре, к артисту, сыгравшему сложную, прямо скажем, трудную роль.

С полным основанием такую же оценку можно высказать и другим участникам спектакля — артистам Е. Бычковой (Лику) и Э. Симоняку (Леониду). Пьеса, поставленная главным режиссером театра Евгением Минским, сыграна на большом накале чувства и производит хорошее впечатление.

Но вернемся в зрительный зал, помним, что мы здесь разговариваем с драматургом А. Арбузов и актеры, насколько все это увлекательно, серьезно и значительно.

...Мы их встречаем в осажденном Ленинграде в одной из полуразрушенных квартир. Идет война — жестокая и утомительная. Где-то вдалеке слышатся взрывы снарядов, мутное небо беспокойно прочерчивают острые лучи прожекторов. По воле судьбы Марат, Лика и Леонид оказались одни, без родителей. Взрослые сражаются на фронте, многие из них погибли. Тяжелая, казавшаяся, непосильная ноша легла на плечи подростков, оставшихся в руках подростков в трудный 42-й год.

Что это, напояние? В изнуренной степи — ла О суровом времени. Напоминание молодому современнику — театр обращается к поколению 60-х годов — о той большой мере испытаний, выпавшей на долю нашего народа, о великой самопожертвованности, которая ковала победы. Добровольцами уходив в армию Марат и Леонид. Возмужавшие до срока, они поняли — сейчас их место там, где решается исход войны.

Но все это лишь своего рода подступ к раскрытию темы, философского подтекста, который заложено в пьесе Арбузова.

Путь своих героев, — в общей сложности они живут на сцене всего несколько лет, рассказывая о их личных взаимоотношениях, остроты и драматичности, автор ставит весьма важный вопрос. Это вопрос о преемственности поколений, о верности светлым идеалам, о необходимости быть по-настоящему одержимым, бескомпромиссным в утверждении прекрасного во всем, в том числе и в любви. Образом Леонида и Лики, утратившим что-то от своего прежнего «я», в чем-то сущностно чуждым, в чем-то несамостоятельным, с которым драматург, в вместе с ним и театр, вступает против злого, созерцательно подхода к жизни, лояльности малым, протестует против меркантизма.

обывательным, которые лишают человека его настоящих человеческих черт. Весь спектакль, полемический зритель против тезиса, выдвинутого Леонидом, будто бы жизни — это лотерея, и каждый вытягивает свой билет.

Естественно, нам больше импонирует Марат с его беспокойной натурой, горячностью, с его максимализмом во всем, хотя он тоже не свободен от житейских просчетов, неподуманных действий.

Так от частного, от изображения «личной» жизни А. Арбузов идет к обобщению, большому выводу.

Думается, режиссер Е. Минский и исполнители верно прочли пьесу: налицо стремление раскрыть ее смысл, обнажить «второй план». Есть основания говорить и о творческом успехе удачно подобранного труппы — Е. Бычковой, Ф. Маринкевича и Э. Симоняка. В основном они преодолели психологические перегрузки пьесы, сложности сценического перевоплощения, правильно прослеживая развитие характера героев. Игре молодых артистов присущи искренность, увлеченность. Они живут каждый в своей роли, создавая убедительные реальные образы. Надолго запомнится зрителям порывистый, страстный Марат-фантасер. Несколько тяжеловатый, флегматичный Леонид, нежная, чистая в своих чувствах Лика.

Но было бы неправильно сказать — сделавшись верной олицетворением пьесы, театр, на мой взгляд, не исчерпал до конца ее возможности. Создается впечатление (2—3 действия), что актеры нет-нет да и отступают от того внутреннего подтекста, где начинают играть несколько обогатив — лишь в плане изображения как фактико-позитивных в толиционном треугольнике: он — она — он. Есть нужда в уточнении, более правильной расстановке смысловых акцентов спектакля. Да, молодежь — поколение 60-х годов должно свято хранить светлые идеалы, стремиться к новым нравственным высотам. Оправданной точкой до этому служит вся наша жизнь, весь героический опыт советского народа, в том числе приобретенный и в годы войны с немецким фашизмом. Тогда было все — жертвы, страдания, искореняющие судьбы, но главное — высший массовый героизм, жажда сознательного подвига, вплоть до самопожертвования во имя социалистической Родины, идеи коммунизма. Именно об этом театру в спектакле «Мой бедный Марат» следует сказать более четко и определенно, предельно используя для этого материал пьесы, по возможности углубив его.

И в то же время, сделав сейчас хорошо. Спектакль тепло встречен зрителями. Успех постановки оглашен. И афиша привлекает все новых и новых зрителей.

Если хотите, афиша — лицо театра. Она дает представление вам и о творческом ритме коллектива, и о его идейно-художественной устремленности.

Но прежде чем обратиться к афишам Рыбинского театра, небезынтересно рассказать об одном разговоре, происшедшем перед началом спектакля «Мой бедный Марат». Этот разговор весьма примечателен. В фойе встретили давнишнего рыбинского знакомого. Этот человек неравнодушен к искусству, литературе, внимательно следит за всеми новинками. Любый киноголос поаывает этой его страсти, числу томиков, помещенных на полках домашней библиотеки. Словом, мой знакомый — человек достаточно искушенный в том, что касается художественного творчества. И вот он засомневался.

— Не напрасно ли я пришел сюда, — сказал он мне, вертя в руках программу. — Бокс, будет скучно. Всего три исполнителя — на целый-то вечер! Впрочем, поживем — увидим.

Потом в перерывах мы с ним виделись еще, обменивались впечатлениями. Довольный, он сообщил: — А пьеса-то захватывает! Интересно.

Когда же покидали после спектакля театр, произнес:

— Здорово. Просто молодцы!

Это была радость открытия. Я отнесу ее не только за счет удачного в целом спектакля. Большую роль тут сыграл еще выбор пьесы.

Театр, по образному выражению Гоголя — это кафедра. Какой разговор ведется с ней со зрителем — вот вопрос вопроса, требующий самого пристального к себе внимания. И прежде всего — режиссера, актера, художника. Сегодня никто не вправе забывать о высокой миссии советского театра: активно, инициативно участвовать в коммунистическом воспитании, формировать у людей высокие нравственные идеалы. Это веление времени и потребности тех, кто заполняет зрительный зал.

Душевный отклик зрителя находят те пьесы и спектакли, которые в лучшем смысле современны, наполнены былыми раздумьями о времени и о себе, знакомят нас с героями наших дней. Словом, в которых бьется пульс жизни. Разве не о том же самом свидетельствует опыт и Рыбинского театра. Пусть не обидится мой знакомый — кресла заполняют, и тогда, когда на сцене идет пьеса, не только с тремя действующими лицами. Если, конечно, взят точный прицел...

Было время, три-четыре года назад, когда рыбинские актеры играли в полупустом зале. И если задуматься о причинах, можно назвать одну, пожалуй, главную из них. Она заключалась в стихийности формирования репертуара, в нечеткости, в неопределенности идейно-художественных позиций театра, в известном пренебрежении запросами зрителей. Рядом с «Варяжскими» Салынского, «Иркутской историей» Арбузова, «Днем рождения Терезы» Миданца соседствовали такие далекие нам по духу, самой атмосфере вещи, как «Сина Клода» и «Дамы с камелиями». Сосуществовали, но не уживались. Само собой разумеется, их разделяла принципиальная грань.

А ведь у театра был свой расчет — он хотел завоевать зрителя, привлечь его симпатии. Но постановка так называемых «кассовых пьес» имела чисто иллюзорный успех. Она не оправдала и не могла оправдать возлагавшихся на нее надежд. Зритель, да и на «кассовый репертуар, не совершая вместе с героями, от костюмов которых похаживало нафталином и которые действовали в помпезно-сентиментальных аристократических салонах. Зрители, особенно нашей молодежи, были чужды, непонимали переживания их, мелкие страсти, обусловленные светскими интригами.

Публика по-прежнему не особенно жаловалась в театр.

Прошлый сезон рыбинцы начали в обновленном составе. К руководству коллективом пришел молодой способный режиссер Е. Минский. Прежде всего претерпела изменение репертуарная политика. Был взят вполне новый курс на социальность, на драматургию, героическое звучания, на производственные, поднимавшие нравственно-этические проблемы. Иные принципы были положены в основу работы над пьесой. Штатному, изживший себя традиционности, которые прежде давали себя знать, начали вводить творческую инициативу, пришло уступать место поискам лучших, отвечающих требованиям дня художественных решений. Потребности коллектива разговаривать со зрителем о чем-то значительном и важным сочетались с неперенным условием эмоциональности, поэтичности и большой страстности спектаклей.

Первым итогом этих усилий явились постановки пьесы С. Смирнова «Лодка», который в апреле 1964 года победил тот рубеж, с которого начал возрастать моральный, гражданский авторитет театра. Зрители по достоинству оценили спектакль, овеянный романтикой героического подвига.

рассказывающий о замечательных советских людях — мужественных солдатах, выигравших неиспоренную историческую славу с немецким фашизмом. Все, кто смотрел спектакль, не могли не полюбить капитана Громова (Ф. Маринкевич), сержанта Шапкина (А. Кутенко), солдата Максима Скрипку (М. Степанов) и других героев — бесстрашных, благородных в своих помыслах.

Потом в театральные афиши появились названия новых спектаклей, которые так же, как и первые, привлекали к себе внимание: «Раскиснуло море широко», «Рассудите нас, люди», «В день свадьбы», «Чти отца своего», «Поднятая целина», «Орфей спускается в ад» и, наконец, «Мой бедный Марат».

Это уже не «сужденное» зрительно, не расчет на его списочность, а определенная направленность театра, желающего быть воспитателем, носителем высоких нравственных и эстетических идей.

А в перспективе новые серьезные работы «Нашествие» Леонова, постановкой этой пьесы театр хочет ознаменовать 20-летие победы над гитлеровской Германией, «Объяснение в ненависти» Штока, «Гроза» Островского и «Трехгрошовая опера» Брехта. Ряд из названных пьес говорит об определенной творческом возмужании театра.

Но это возмужание, к сожалению, не всегда проходит гладко. Поиск, желание найти свой образный язык — бывает и такое в театре — не всегда становится открытием. Так произошло у рыбинцев с «Поднятой целиной» диссидентства П. Демкина по пьесе А. Володина. Сказавшись к этому произведению — народной эпопее — факт сам по себе отрядный. Понятно и то, что это ответственный и сложный экзамен для любого профессионального коллектива — воплотить на сцене шолоховских героев с их яркими характерами, обнажить остроту классовых конфликтов того времени, показать, как переплелись души людей в горниле революционных преобразований. Повторю, задача эта чрезвычайно трудная, а рыбинцами она решена далеко не полностью. Спектакль, поставленный Е. Минским, несет на себе печать острой нравственной неопределенности. Это спорно, комментарий и известен. В спектакле не раскрыт с достаточной глубиной гражданский, партийный глазомер шолоховского произведения. Невыразительными, схематичными получились образы коммунистов Гремячего Лога — Давыдова, Натальевна, улаживающего, И. Дело тут, конечно, не во внешнем несоответствии, допустим, образа Давыдова, и роли которого выступает Ф. Маринкевич, с нашим представлением о нем, и не в современной прищеске, с которой артист выходит на сцену (хотя это тоже важно). Главное в том, что Натальевна, улаживающая, обидчивость Давыдова, олицетворяющего революционную и созидательную энергию партии, человеческое объяснение его личности. Хотел или не хотел того режиссер, но подчеркнутой в спектакле оказалась бытовая сторона пьесы. Не случайно это дало повод говорить вышедшим пьесой о том, что спектакль этот скорее о Шукре и Лушке, нежели о поднятой целине в сознании, мировоззрении людей — обитателей Гремячего Лога, о победе коллективизации. Такое впечатление сложилось, например, у преподавателя речного училища Е. А. Кубышевской, заведующей городской библиотекой А. К. Старостина. То, что показывается на сцене, не сорпото внутренним огнем — вот их общая оценка «Поднятой целины» в Рыбинском театре, и не разделяет ее невозможно.

Хочется верить, театр исправит свои просчеты. И этот спектакль, как и другие, займет прочное место в репертуаре, а стало быть, всегда будет напоминать о себе в театральном афише, которая в общем-то привлекает разнообразием и интересностью своих названий.

Но в театре немало и недостатков. Не все творческие резервы приложены в действе.

Об этом мы продолжим разговор в следующем раз.

Г. БАУНОВ.